

Урок экономики в III тысячелетии

Тамара БЕЛОВА, учительница экономики и граждановедения 159-й школы г. Москвы

Круглые даты, рубежные состояния, например, начало третьего тысячелетия — влияют завораживающе. Каждый неудержимо стремится заглянуть в будущее. Пользуясь словами великого соотечественника, невольно вопрошаешь: «Что день грядущий нам готовит? Его мой взор напрасно ловит, в глубокой мгле таится он». В связи с переходом в новое тысячелетие СМИ уделяют много внимания прогнозам, большинство из которых мрачные. Здесь и катастрофы космического происхождения (падение астероида, вспышки гамма-излучения, коллапс вакуума, чёрные дыры, гигантские солнечные вспышки, и т.д., и катастрофы, спровоцированные человеческой деятельностью (глобальное потепление, коллапс экосистемы), токсины, содержащиеся в окружающей среде), и добровольное саморазрушение (войны, преступность и т.д.).

Как воспринимать такие научные прорицания? В своё время герой повести А. Платонова «Котлован» товарищ Панкин утешал людей: «Ну, что ж, всё равно счастье наступит исторически».

В сегодняшней действительности нами, увы, утрачена вера в историческую неизбежность светлого будущего. Теперь к такого рода утешениям мы относимся скептически, как к наивности детского возраста.

Набат, будящий духовную составляющую человека

О наступивших мрачных временах на исходе второго тысячелетия христианства говорит в своей книге «**Быть или не быть... человечеству?**» академик Н. Моисеев. В ней Никита Николаевич высказал озабоченность серьёзной проблемой, с которой столкнулись земляне. Вырождение нравственности — вот та серьёзнейшая проблема планетарного масштаба, к которой привлекает внимание автор — выдающийся математик, мыслитель, активный организатор и творец Международного независимого эколого-политологического университета, ушедший от нас в начале прошлого года. Симптоматично, что обсуждение его книги состоялось в Московском государственном педуниверситете, в вузе, который готовит учителей, «архитекторов будущего». Это к ним в первую очередь обращена мысль академика Н.Н. Моисеева о том, что новая цивилизация должна начинаться с изменения образовательных программ: «Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с её законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью природы. Новые моральные принципы должны войти в плоть и кровь Человека. Я убеждён, что XXI век будет веком гуманитарного знания, подобно тому как XIX век был веком пара и инженерных наук».

Доктор физико-математических наук, вице-президент РАЕН С.П. Капица обращает внимание на то, что мы подошли к цивилизованному повороту. «В течение полутора миллионов лет человек развивался экстенсивно. Больше людей, больше детей, больше вещей, больше денег, больше пушек, больше всего, что только можно придумать. У нас развивались внешние стороны жизни, а вот духовная часть отставала, не было времени на выработку философии, мировоззрения. Сейчас мы переживаем кризис рациональности... Весь XIX век проходил под знаком рационализма». А XX век заканчивается, по его мнению, разрывом между внешними условиями развития и нашим внутренним духовным миром. Мы переживаем дефицит оптимизма, нравственности, и это моральное преступление совершается СМИ с их пропагандой, которая пропитана каким-то смердящим духом».

Заведующая кафедрой философии МПГУ профессор Микешина тоже считает, что в современном мире мы сталкиваемся с проблемой планетарного масштаба — вырождением нравственности. «Учебные заведения стремятся вести нравственное воспитание, но ре-

зультат плачевный. В лучшем случае формально усваивается *знание* о принципах морали», но постоянно попирается сама мораль, люди привычно совершают безнравственные поступки».

Книга академика Моисеева заставляет думать. И эта дума, на мой взгляд, объединит все цивилизации на земле. Поскольку у нас общая цель — сохранить род человеческий.

Мне как экономисту по образованию и преподавателю экономики в школе особенно близка оценка члена-корреспондента РАЕН М.И. Гельвановского — директора отделения экономики Национального института развития Российской академии наук. Он говорит о двух ипостасях экономики. Одна связана с обустройством дома, семьи, общины, страны, мира. Она способна гармонизировать человеческое бытие. Другая ипостась экономики связана с формой и средствами обогащения. Она изначально формировалась на страсти человека к потреблению всё большего числа благ, всё более активного и масштабного использования природных ресурсов. Начиная с ранних стадий развития хозяйственной деятельности и человека, произошла подмена понятий, а вместе с ней и функций человеческой деятельности. Человек всё более стал обслуживать свои страсти к удовольствиям, к богатству, к роскоши. Это стало особенно характерно для XX века, когда экономика благодаря развитию транспортных систем и информатики приобретает всё явственнее глобальные очертания, когда создаются условия, при которых развитые страны закрепляют своё доминирующее положение над слаборазвитыми, обрекая их на вечную долговую нищету.

М.И. Гельвановский считает, что мы живём «в эпоху великого обмана». За словом «демократия» часто скрываются формы диктатуры — денег, мафиозной власти, способной творить беззаконие, опираясь на вполне законные основания.

То же самое происходит и с такими категориями, как «рынок», «конкуренция» — за ними умело прикрытый монополизм. А за словами «свобода совести» и «свобода вероисповедания» происходит изощрённое зомбирование общественного мнения. «Свобода слова» вооружилась информационными технологиями, которые сегодня получили название «грязных технологий».

Человечество с помощью собственного разума овладело природой, поставило её себе на службу, но в морально-нравственном отношении стало неадекватно этим обрётённым возможностям. Природа начинает наказывать нас за те безобразия, которые мы творим с помощью своего голого разума, не оплодотворённого великой религией любви.

На одной из многочисленных научных конференций, которые проводятся на рубеже веков, профессор Эдинбургского университета Аластер Макинтош предложил новое объяснение понятию «развитие». Экономика должна не расширяться, а развёртываться. А развёртываться может то, что имеет внутренний потенциал, т.е. **богатый внутренний мир**. Экономика нуждается сегодня в нравственном оправдании.

Если подвести итог размышлениям академика Моисеева о будущем человечества, то можно сказать, что его книга «Быть или не быть... человечеству?» оставлена нам в качестве набата, будящего духовную составляющую человека. Наиболее зрелые особи человеческого сообщества тоже бьют в набат. Человечеству необходимо повзрослеть. В чём должен проявиться этот процесс взросления? На уровне отдельной личности — в том, что человек осознаёт последствия принимаемого им решения, он принимает его самостоятельно, не советуясь ни с кем, но при этом учитывает самочувствие людей, которых его решение касается. Этот подход следует принять на вооружение как самый нравственный. Человечество должно взять на себя заботу о природе и окружающей среде. Но, судя по поведению, **человечество находится в подростковом возрасте, когда все силы сосредоточены на бушующих страстях, амбициях и мелочном честолюбии.**

Новое понятие — «экономическая цивилизация»

По М. Бахтину, современный человек чувствует себя уверенно, богато и ясно там, где

его принципиально нет в автономном мире культурной области, но неуверенно, скудно и неясно, где он — центр поступка.

Почему же неуверенно? Как известно, в философии есть раздел этики, которая должна помочь человеку поступать уверенно. Заглянем в «Краткую философскую энциклопедию».

Этика (от греч. ethika, ethos — обычай, нравственный характер) — учение о нравственности, морали. Термин впервые употреблён Аристотелем как обозначение особой области исследования — «практической» философии, ибо она пытается ответить на вопрос: что мы должны делать? Этика исследует, что в жизни и в мире обладает ценностью... Эти ценности нужно искать как во всех ситуациях, так и в личности.

У Бахтина есть принципиальные возражения против этой, так называемой «практической» философии. В основе современного кризиса, по мнению М. Бахтина, лежит кризис современного поступка. Он усматривает бездну между мотивом поступка и поступком. Деньги, считает философ, могут стать мотивом поступка, строящего нравственную систему: «Жить из себя, исходить из себя в своих поступках вовсе не значит жить и поступать для себя».

Подводя итог двухтысячелетнего существования, христианство откликается на новое понимание действительности. На стыке богословия и экономики возникает тема: христианская экономика. В конце уходящего тысячелетия православие обсуждает такие дискуссионные темы, как понимание собственности и хозяйства, православная этика труда, этика предпринимательства.

Особое внимание уделяется этическим проблемам современной рыночной экономики, специфике российской экономики. Международная ассоциация христианского социального учения (Брюссель) и социальная доктрина Русской Православной Церкви, утверждённая на Архиерейском соборе в августе 2000 года стремятся укрепить диалог между христианской и экономической мыслью, позволяющей раскрыть христианский смысл экономики, связать христианские ценности с практической жизнью на повседневном и политическом уровнях.

Что же касается России, то здесь «особая статья». Перестройка социально-экономической сферы, переход от иждивенческой психологии, сформированной в условиях крепостного права царизма и социально-распределительной системы социализма, отягощают процесс взросления нашего общества. Россиянину до сих пор нужен «большой человек», «большая личность», «отец родной», к которому можно было бы обратиться с жалобой, с надеждой, что он разрешит наши проблемы. Пока в России выгодно быть или несмышлёным подростком, или немощным пенсионером, или коррумпированным чиновником. Это свидетельствует о том, что коллективный разум нашего общества находится пока на стадии младенчества. Нам нужны образцы для подражания. В качестве такого образца для переустройства экономико-социальной сферы нашей страны была выбрана западная модель, в частности США. Поскольку в программы американских школ входит экономика — её стали преподавать и в наших школах. Я встретила с учебниками, которые, естественно, были переведены с американских. В них полагали, что экономика — это дисциплина, изучающая, каким образом общество с ограниченными дефицитными ресурсами решает, **что, как и для кого** производить. Это было основное течение, принятое на Западе.

На межвековом рубеже не только в нашей стране, но и в международном научном обществе продолжается своеобразный методологический бум. В настоящее время отмечается три основных методологических подхода: неоклассическая теория, марксистская и неомарксистская политэкономия, институциональная экономика. В учебниках этот процесс отражается в повышенном внимании к вводным главам, в которых рассматриваются **понятия, принципы, подходы, методы**, общие для всех экономических теорий. «Мэйн-стрим» (основное течение) экономической науки формируется сегодня «учебником XXI века» **Грегори Мэнкью Н. Принципы экономики** (так принято называть теорию экономики), изданным в Санкт-Петербурге в 1999 году.

Как справедливо подчёркивает в своей статье «О новых стандартах...» профессор Л.

Гребнев: «По всей видимости, вслед за утверждением стандартов нового поколения должны последовать не только разработка примерных программ, но и написание новых учебников. Поскольку процесс этот не очень быстрый, разработчикам примерных программ придётся сделать нелёгкий выбор при формировании списка рекомендованной литературы».

С какого же понятия начинать разговор со школьниками, если три главных вопроса экономики — **что, как, кто** — некорректны? Может быть, с понятия «человеческий капитал», или лучше с понятия «экономическая цивилизация»?

Научное сообщество, объединившееся вокруг Философско-экономического учёного собрания МГУ им. Ломоносова, демонстрирует на протяжении последних лет «межвекового порога» живой интерес к нововведённому понятию **экономическая цивилизация**.

Два года назад в МГУ проводилась международная конференция: «Экономическая цивилизация: исторический триумф и эсхатологический кризис». Новизна предмета сочеталась с новизной суждений. Состоялся разговор, на котором и прозвучало это нововведение — «экономическая цивилизация». На основе междисциплинарного подхода рассматривались актуальные проблемы экономической цивилизации: её сущность, историческое развитие, неоднозначность результатов, возможного будущего. Это понятие подчёркивает, что экономика — **не только и не столько специфический способ хозяйственной жизнедеятельности в цивилизованном ракурсе, сколько цивилизация в её решающей экономической обусловленности**. Такая постановка позволяет выйти на исследовательский простор экономистам, обществоведам. Десятки учёных проявили живой интерес к этому понятию. Многие высказывания можно характеризовать как первопроходческие. В частности, говорилось о том, что признаки научной литературы третьего тысячелетия — затрагивать не только интеллект, но и чувства.

Художественная литература на уроках экономики

В прошедшем году — 22 августа 2000 года — исполнилось 80 лет Рэю Брэдбери, автору повести «Вино из одуванчиков», которое я «пью» со своими учениками на уроках экономики каждый год. Казалось бы, какое отношение имеет американский писатель, работающий в жанре «фантастической прозы, синтезирующей научную фантастику, сказку, притчу, социально-психологические исследования» к экономике? Но всё заключается в том, как воспринимать понятие «экономика». Если сводить её только к сфере, связанной со счётом и моделью счёта, то, конечно, «поэтическая приподнятость текста, равно как и детски наивная интерпретация происходящего» в повести «Вино из одуванчиков» неуместны на уроках экономики. Перед взором юных слушателей встают картины счастливого детства в добрые старые времена. Действие происходит в 1928 году в США. А в 1929 году в Америке началась Великая депрессия, и патриархальная обстановка маленького провинциального городка, о которой рассказывает Рэй Брэдбери, резко меняется. Он колесит с безработным отцом по американским штатам и ему уже не до «вина из одуванчиков». Я преследую цель — **на уроке передать не только профессиональные знания, но создать эмоциональную атмосферу, затрагивающую воспитательный нравственный аспект общения**. Сейчас, когда превалируют во всех источниках информации «железы внутренней секреции», мне хочется заинтересовать молодёжь этой повестью, в которой охотникам до физиологии поживиться нечем. Мы читаем отрывок вслух по очереди, а потом обсуждаем. И с каждым годом экономическая обстановка в нашей стране дополняется элементами рыночной экономики, о которых мы узнаём из пространственно-временной от нас удалённости. Параллельно с отечественными школьными учебниками по экономике, которые следуют американским, ориентированным на «общество потребления» с его «правом продавать и быть проданным», перед учениками предстаёт в художественной форме дух «одноэтажной Америки». (Под таким названием, как вы помните, в своё время вышла серия очерков наших классиков — И. Ильфа и Е. Петрова. Эту дополнительную информацию я

вставляю на уроках экономики как 25-й кадр, но не с целью зомбирования, а для мотивации чтения высокой литературы.)

Жизнь течёт, меняется и американская, и российская действительность. Вступив на порог XXI века и предлагая ученикам следующий отрывок, я питаю надежду подвести их к другому, современному осмыслению понятия «потребитель» и к меняющейся парадигме в экономической теории.

«В тот вечер Дуглас возвращался домой из кино вместе с родителями и братом Томом и увидел в ярко освещённой витрине магазина теннисные туфли. Дуглас поспешно отвёл глаза, но его ноги уже ощутили прикосновение парусины и заскользили по воздуху — быстрее, быстрее!

... Люди, которые мастерили теннисные туфли, откуда-то знают, чего хотят мальчишки и что им нужно. Они кладут в подметки чудо-траву, что делает дыхание лёгким, а под пятку — тугие пружины, а верх ткнут из трав, отбеленных и обожжённых солнцем в просторах степей. А где-то глубоко в мягком чреве туфель запрятаны тонкие, твёрдые мышцы оленя...

— Пап, — выпалил он. — Вон там, в окне, теннисные туфли...

Отец даже не обернулся.

— А зачем тебе новые туфли, скажи, пожалуйста? Можешь ты мне объяснить?

— Ну-у... Это очень трудно объяснить.

Они поднялись на крыльцо и вошли в дом.

— Копи деньги, — посоветовал отец. — Месяца через полтора...

— Да ведь тогда лето кончится!

Погасили огонь. Том заснул, а Дуглас всё смотрел на свои ноги, — они белели под лунным светом, далеко, в конце кровати, свободные от тяжёлых башмаков: только теперь с них свалились гири — остатки зимы.

— Надо придумать, почему нужны новые. Надо что-то придумать...

Дуглас встряхнул свою копилку, — в ней чуть звякнуло. Она была почти пустая.

«Если тебе что-нибудь нужно, добивайся сам, — подумал он. — Ночью постараемся найти ту заветную тропку...»

Старый мастер Сэндерсон двигался по своей обувной лавке, точно по какому-то питомнику, где в конурах собраны со всего света собаки и кошки всевозможных пород, и на ходу он ласково гладил своих питомцев. Мистер Сэндерсон погладил каждую пару башмаков и туфель, выставленных в витрине, и одни казались ему собаками, другие кошками; он касался их заботливой рукой, — где поправит инурки, где вытянет язычок.

Миг — в дверях появился Дуглас Сполдинг... Мучительно медленно, держа на ладони все свои сбережения и не решаясь поднять глаза, Дуглас шагнул из яркого полуденного света в лавку. Он осторожно разложил столбиком на прилавке медяки, монетки по десять и двадцать пять центов, словно шахматист, что ждёт с тревогой — вознесёт ли его следующий ход к вершинам торжества, или погрузит в бездну отчаянья.

— Всё ясно без слов, — сказал мистер Сэндерсон.

Дуглас замер.

— Во-первых, я знаю, что ты хочешь купить, — продолжал мистер Сэндерсон. — Во-вторых, я каждый день вижу тебя у витрины. Ты думаешь, я ничего не замечаю? Ошибаешься. В-третьих, тебе нужны, называя их полным именем, «лёгкие как пух, мягкие, как масло, прохладные, как мята» теннисные туфли. В-четвёртых, у тебя не хватает денег и тебе нужен кредит.

— Нет! — крикнул Дуглас, тяжело дыша, точно он бежал во сне всю ночь без отдыха. — Не надо мне кредита, я придумал кое-что получше, — выдохнул он наконец. — Сейчас я объясню, только сперва, пожалуйста, скажите мне одно, сэр, мистер Сэндерсон. Вы помните, когда в последний раз надевали такие туфли?

Старик помрачнел:

— Ну, лет десять назад или двадцать, может быть, даже тридцать... Почему это

тебя интересует?

— Знаете что, мистер Сэндерсон, если по-честному, вам надо и самому хоть примерить ваши теннисные туфли. Ведь вы их людям продаёте? Вот и примерьте хоть на минутку, сами увидите, каковы они на ноге. Если долго чего-нибудь не пробовать, поневоле забудешь, как оно бывает. Ведь хозяин табачной лавочки курит, правда? И кондитер всегда, конечно, пробует свой товар. Вот и я думаю...

— Ты, верно, заметил, я тоже не босиком хожу, — сказал старик.

— Но не в теннисных туфлях, сэр! Как же вы их продаёте, если не можете даже как следует их расхвалить? А как вам их расхваливать, если вы их толком и не знаете?

Дуглас говорил с таким жаром, что Сэндерсон даже попятился и в раздумье поскрёб подбородок:

— Н-да-а, пожалуй...

— Мистер Сэндерсон, — сказал Дуглас, — вы мне продайте одну вещь, а я тоже продам вам кое-что полезное.

— Но неужели для этой сделки необходимо, чтобы я надел пару теннисных туфель, дружок?

— Было бы очень хорошо, сэр!

Старик вздохнул. Через минуту он уже сидел на стуле и, тяжело дыша, зашнуровывал на своих узких длинных ногах теннисные туфли.

— Теперь, пожалуйста, покачайтесь немного с пяток на носки, попрыгайте, поскочите, что ли, а я вам всё доскажу. Значит, так: я отдаю вам деньги, вы отдаёте мне туфли. Я должен вам ещё доллар. Но, как только я надену эти туфли, мистер Сэндерсон, как только я их надену, знаете, что случится?

— Что же?

— Хлоп! Я разношу вашим покупателям на дом покупки, таскаю для вас всякие свёртки, приношу вам кофе, убираю мусор, бегаю на почту, на телеграф, в библиотеку! Вот вы теперь сами чувствуете, какие это туфли, сэр, сами чувствуете, как быстро они будут меня носить!

Сэндерсона оглушило это красноречие. Поток слов захватил его и понёс; он поглубже засунул ноги в туфли, пошевелил пальцами, повертел ступнёй, вытянул ногу в подъёме. По тротуару под жарким солнцем или мимо лавки редкие прохожие. А старик и мальчик стояли друг против друга, и лицо мальчика сияло, а старик, казалось, обдумывал некое неожиданное открытие.

— Послушай, — сказал он наконец. — Не хочешь ли ты лет эдак через пять продавать у меня тут ботинки?

— Спасибо, мистер Сэндерсон, только я и сам ещё не знаю, что стану делать, когда вырасту.

— **Что захочешь, сынок, то и станешь делать,** — сказал старик. — **Ты своего добьёшься. И никто тебя не удержит.**

Он лёгким шагом подошёл к стене, где стояло, уж наверно, десять тысяч коробок с обувью, и вернулся к прилавку с туфлями для Дугласа. Потом он писал что-то на листке бумаги, а Дуглас в это время надел туфли, завязал шнурки и теперь стоял и ждал.

Старик кончил писать и протянул ему листок.

— Вот тебе десяток поручений на сегодня. Когда всё сделаешь, мы с тобой квиты, и ты получаешь расчёт.

— Спасибо, мистер Сэндерсон! — Дуглас кинулся прочь из лавки».

Обсуждаем на уроке этот фрагмент прекрасной повести. Хочу подвести ребят к осознанию экономики как понятия, связанного с цивилизацией, к роли каждого члена общества в формировании этой цивилизации и её судьбоносного воздействия на устройство, характер и течение всей нашей жизни. Обращаю внимание учеников на красноречие героя рассказа. Конечно, не всякому дано живописать свои ощущения. Поскольку эта повесть автобиографична, мы убеждаемся в особом даре Рэя Брэдбери, проявившемся уже в под-

ростковом возрасте. Но чтобы так красочно передавать свои ощущения, их надо иметь. И эту сторону экономики я тоже не хочу упустить из поля зрения моих учеников. Значит, кто-то, создавая эти теннисные туфли, вложил в них не только своё профессиональное мастерство. **Для него было важно и то, чтобы пользователю созданного им товара было удобно, и он испытывал удовольствие.** Может ли работающий по принуждению человек ставить перед собой такую цель — доставить своим изделием радость покупателю? Вряд ли. Это может быть свойственно **человеку свободному, самостоятельно выбирающему любимое дело.** Тогда он вкладывает в него, что называется, душу.

Жизнь россиян генетически впитала крепостное право царской России и социалистическое распределение СССР. И этого раба, этого люмпена, халатно относящегося к своему труду, многим из нас предстоит выдавливать из себя по капле, о чём говорил Антон Павлович Чехов. Не библейская ли мудрость «Возлюби ближнего своего как самого себя» заложена в концепции современного маркетинга, ориентирующего производителя на учёт интереса потребителя, снижающего его бытовые хлопоты?

Для развитых стран характерно не только производство материальных благ, но и развитие информационных технологий. Дефицит информации как ресурса отличается от дефицита материальных благ. Поведение производителя и потребителя анализируется с помощью одних и тех же аналитических инструментов, разработанных в такой сфере человеческой деятельности, как маркетинг. Его законами должны сегодня владеть те, кто вступает в жизнь. Вот какая грандиозная работа ждёт нас и общество в целом, чтобы страна достойно вписалась в мировое содружество.

Что же новое в экономическом образовании ждёт поколение российских учеников, вступивших во второй половине учебного года в третье тысячелетие?

В нашем нынешнем экономическом знании есть некоторая устарелость, противоречивость, оторванность его от реальности и реального времени. Научное знание стремится к новым обобщениям и выводам, и не только дополняющим, но и переосмысляющим сегодняшнюю научную экономику. В этом переосмыслении можно выделить два направления: особенности экономики как хозяйства и сущность этой особенности. Исторически экономика хозяйства вышла из натурального хозяйства и переход этот совершается до сих пор. В итоге возникла экономическая цивилизация, в основе которой феномен **экономизма**, распространённый не на одно лишь хозяйствование (т.е. на сферу производства и потребления благ), но и на всю социополитическую жизнь. Экономика по большому счёту — шире собственно хозяйства, это не один способ хозяйствования, а ещё и способ **жизни вообще**, способ труда.

Экономизм — жизнь сначала ради денег и по-денежному, а потом и ради другого и по-другому.

Деньги в экономизме — одновременно и причина, и следствие, как и всеобщая материя, за которой и всеобщая идея, и всеобщий дух. Деньги — это не милый и безобидный посредник, а суровый и властный руководитель. Феномен экономизма непосредственно сопряжён с феноменом экономического (денежного, стоимостного) фетишизма. А фетишизм — не только преклонение перед экономией, а реализация жизни на принципах экономии, ей — этой экономии — подчинение, её — этой экономии — руководство. В экономии много технологического. Экономизация жизни выводит на первый план технологию. Экономическая цивилизация — технологизированная и техногенная цивилизация.

Российская экономическая мысль

Школьникам известно, что отцом экономической науки считают в мире шотландского экономиста и философа Адама Смита (1723–1790). Его «Исследование о природе и причинах богатства народов» увидело свет в 1776 году. Первый же русский экономист и публицист И.Т. Посошков (1652–1726) свой основной трактат «Книга о скудости и богатстве» разработал в 1724 году, т.е. когда всемирно признанному родоначальнику полит-

экономии был всего один год. Именно это обстоятельство позволило академику Л. Абалкину на 70-летию Института экономики РАН упомянуть об историческом приоритете России в экономической теории. Я испытываю удовлетворение от того, что моим ученикам знакомо имя нашего соотечественника. Из преподаваемого курса они узнают о первых экономических теориях — физиократов и меркантилистов. Девятиклассники в состоянии оценить взгляды Ивана Тихоновича Посошкова и обнаружить своеобразное сочетание идей классической политической экономии и меркантилизма. Название его книги очень близко к названию исследования А. Смита. И мы обнаруживаем, что это сходство не только внешнее. Обе работы посвящены главным проблемам политической экономии: **сущности и формам богатства нации, механизмам его роста**. Русский учёный, так же как и шотландец, **источник национального богатства видел в труде**, при этом у него и сельскохозяйственный и промышленный труд одинаково важен. Рассматривая торговлю и производство как единый хозяйственный комплекс и видя в них источник богатства нации, Посошков выступал за всемерное развитие отечественной торговли, промышленности, сельского хозяйства, укрепление экономического могущества России и её независимости. Как и все меркантилисты, он был сторонником сильной государственной власти. В то же время, признавая роль государства в экономике, Посошков говорит о том, что нельзя считать богатым государство, если там **любыми средствами собирают деньги в казну**. Он чётко различает **богатство казны и богатство народа**. Для увеличения последнего необходимо, по его мнению, хорошее управление страной, хорошие законы, справедливый суд. Разве не эти же условия необходимы и в наши дни?! Он писал о **«правде» и справедливости как необходимой предпосылке устранения скудости и умножения богатства в стране**. В поисках правды и справедливости И. Посошков проявляет значительный радикализм. Он осуждает подушную подать, потому что она не учитывает разницы в экономическом положении плательщиков. Предлагает фиксировать повинности крестьян при наделении их землёй, чтобы исключить рост оброков и барщины. Выступает с предложением размежевать крестьянские и помещичьи земли, снизить подати, установить равный суд для всех сословий. Предполагают, что, возможно, именно эти предложения послужили поводом для его ареста и заключения в Петропавловскую крепость, где он и скончался в 1726 году. Он был сторонником преобразований, проводимых Петром I.

У подростков возникает естественный вопрос: почему при такой прогрессивности взглядов, глубине и масштабности разработок, русская экономическая мысль не признана западноевропейской экономической наукой? История не только экономических учений, но и других отраслей знаний часто даёт нам удивительные примеры, когда одинаковые, по сути, открытия почти одновременно и независимо друг от друга совершались разными людьми. Такие явления не только известны в истории, они происходят и в наши дни. Вот свежий пример из сегодняшней научной жизни. Перуанский экономист Э. де Сото монографией «Иной путь», опубликованной в 1989 году, произвёл революцию в представлениях о роли и значении теневой экономики в современном рыночном хозяйстве. Его труд стал интеллектуальным бестселлером, а сам он международной знаменитостью. Теневая экономика привлекала внимание и российских исследователей на протяжении многих десятилетий. Но характер исследований заметно разнится. Согласно десотовской концепции теневая экономика — закономерная форма развития капиталистического производства в секторе, относящемся к мелкому бизнесу. Главная причина её разбухания — не бедность и слаборазвитость страны, как считалось в 70–80-е годы, а бюрократическая зарегулированность. У истоков отечественных исследований теневой экономики стояли диссиденты. Они пытались доказать, что официальная картина советского государства имеет мало общего с его истинным лицом. С точки зрения теории экономических систем существует три типа: традиционная, рыночная и командно-административная. СССР относили к командно-административному или централизованно планируемому типу экономики. Но диссидентские исследования в этом типе указывали на четыре сектора (в нашей литературе было принято называть её плановым хозяйством, а зарубежной — «экономикой дефицита»);

легальная рыночная экономика (колхозные рынки, рынки потребительских товаров); нелегальная рыночная экономика (неформальный сектор); нелегальная командная экономика (рынки должностей, административно-хозяйственных согласований и бартера).

Таким образом, в советской хозяйственной системе существовали не одна, а две параллельные командные экономики. Легальная выдавала плановые задания и контролировала их выполнение, нелегальная заботилась о получении личных благ и привилегий благодаря личным связям. Общим правилом было совмещение ролей: каждый государственный служащий участвовал не только в выработке плановых заданий и их выполнении, но и в обеспечении «своих людей» дефицитными благами в обход официальных норм. Либерально настроенные экономисты полагали: достаточно снять жёсткие административные запреты и ограничения, стесняющие хозяйственную гибкость, и Россия будет процветать. На самом деле власть перешла в руки агентов четвёртого сектора — нелегальной командной экономики, освобождённого от контроля первого из секторов.

Тени советского прошлого оказались длиннее общества развитого социализма. Основы системы мы пытаемся перестроить, а её тени остаются. Миры «теней» перуанского учёного Э. де Сото и российских исследователей имеют качественное отличие.

Зарубежный исследователь констатирует наличие бюрократических «рогаток». Он не обвиняет национальную правящую элиту «третьего мира» и не задаётся вопросами: кто и зачем создаёт препятствия? Кому они выгодны? Почему сохраняются? Вместо обвинения он анализирует механизмы саморегуляции теневиков и надеется своим трудом помочь предпринимателям-неформалам.

У отечественных специалистов на первом месте оказались другие проблемы: «сорвать маски» с власть имущих, сказать без обиняков горькую правду о реальном положении вещей. В процессе перестройки произошло только «перетряхивание» служебной иерархии. Вчерашние секретари райкомов сделались президентами банков и бирж и, как прежде, распоряжаются всеми материальными ценностями в стране, но только на правах частной собственности. В результате мы наблюдаем **имитацию рыночного хозяйства при реальном сохранении основ командной экономики.**

Следовательно, существует «иной путь» экономического развития. Эти идеи витают в воздухе, и перуанский учёный повторил открытие советских специалистов независимо от них. Но лавры первооткрывателя достались ему. А одному из отечественных авторов — Л. Тимофееву за теорию институциональной коррупции — по доброй российской традиции за клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй пришлось провести два года в отрыве от научной работы.

Мы с ребятами обнаруживаем связь времен и в культуре мышления, и в преемственности излюбленного разоблачительного «заряда» русского ума. Это национальное «горе от ума», возможно, препятствует выработке программы позитивных действий. И наша жизнь строится по принципу «куда кривая вывезет».

Из трёх главных экономических агентов, действующих в рыночном пространстве — домашние хозяйства, фирмы и государства — ведущее положение отводится домашним хозяйствам. Новую теорию домашнего хозяйства и семьи предложил американский экономист Гэри Беккер. По Беккеру, семья — это не пассивный потребитель рыночных товаров, а активный производитель потребительских благ. Он считает, что семья представляет спрос не на товары, а на **представляемые ими полезные эффекты.**

Такая же точка зрения — именно поведение потребителей, а не производителей — является фундаментальной в «основном течении» современной экономической мысли. Упор делается не на то, «что производить», а на то, «что потреблять». В качестве основного средства рассматривается **время человеческой жизни.** Например, покупая стиральную машину, семья ставит целью произвести такое потребительское благо, как чистое бельё. Это бельё семья может произвести с помощью разных технологий: стирать вручную, пригласить прачку, отдать бельё в прачечную. Главный вопрос, который встаёт перед семьёй, — это выбор той или иной технологии производства необходимых потребителю

ских благ. Исходя из чего семья делает такой выбор? Это зависит от доходов семьи и от цен на соответствующие факторы производства. При этом важным ресурсом для домашнего производства выступает время членов семьи. А ценность времени рассчитывается через альтернативные выдержки. Ясно, что чем выше образование и квалификация занятых в домашнем хозяйстве; занятость их на рынке выше, их заработная плата, тем дороже их домашний труд, а значит выше альтернативные издержки.

Фуркация в теоретической экономике

Из молодых направлений в экономической науке моё внимание привлекла гендерная экономика. Информация о ней интересна и учащимся. В ней делается акцент на различие пола участников экономических процессов. В отличие от биологического термина *sex*, тоже имеющего отношение к полу, термин «гендер» может быть переведён как «социальный пол». При этом анализируются различия в экономическом положении мужчин и женщин и причины их возникновения, рассматривается социальная роль пола, а не биологическая. Раскрыть эту тему мне помогает статья кандидата экономических наук Е. Мезенцевой в журнале «Вопросы экономики» (№3, 2000 г.). Знакомлю учеников с тремя основными методологическими подходами к изучению гендерных вопросов.

1-й — с позиций неоклассической теории. Исследует экономику домашнего хозяйства, внутрисемейное разделение труда, дискриминацию женщин на рынке труда, брачные отношения и репродуктивное поведение.

2-й — с позиций марксистской и неомарксистской политэкономии. Исследует причины и формы эксплуатации женщин внутри семьи и вне её, факторы гендерного неравенства, взаимосвязи патриархата и капитализма.

3-й — с позиций институциональной экономики. Исследует брачные отношения, понимаемые как контрактные, роль государства в регулировании гендерных отношений, проблемы социальной политики.

Многие москвичи, да и не только они, сталкиваются с маркетингом, потому что он окружает нас повсюду: мы потребители не только товаров, но и услуг с сфере образования, здравоохранения; почтовых, курортных, ритуальных, культурных услуг. Во время поиска работы тоже нужно пользоваться маркетингом, чтобы уметь «продать себя». Поэтому основы концепции и практические приёмы маркетинга нужны всем людям. Но даже изучив тысячелестный труд «Основы маркетинга», созданный авторским коллективом, в составе известного русскому читателю Филиппа Котлера, Гари Армстронга, Джона Сондерса и Вероники Вонг, вряд ли человек обретёт гарантированный результат Рокфеллера. Ибо маркетинг, как и любая деятельность, подчинённая многообразию и сложности жизни, всегда будет ещё и искусством. Этому и старалась я научить своих питомцев.

Маркетинг затрагивает такое множество людей в разных странах и использует разнообразные способы, что неизбежно порождает противоречия. Я, как говорится, на собственной шкуре испытала их. Что действительно нужно человеку? Еда, чтобы поддерживать своё физическое состояние, тепло, кров, какое-нибудь занятие, которое бы приносило деньги и давало возможность самореализации. Это теперь известно школьникам (они знают «пирамиду потребностей» А. Маслоу). Но большинство из нас поддавались напористым уговорам приобрести всякого рода «штучки». По сути, они нам не нужны, вполне можно прожить и без них. Знакомые рассуждения?! Но если бы не маркетинг, который последние 6000 лет (здесь нет описки) считают сферой охотников за лёгкими деньгами, мошенников, махинаторов и продавцов никчемных товаров, где бы было человечество? Сегодня благодаря массовому, не требующему больших издержек маркетингу, мы пользуемся товарами, которые некогда считались предметами роскоши. И именно маркетинг вскармливает потребительские способности людей.

История рождения сетевого (или многоуровневого) маркетинга начала своё исчисление с 1941г., когда американская компания «California Vitamins» впервые использовала кон-

цепцию сетевого маркетинга. Сейчас в мире 3000 компаний сетевого маркетинга: в России — более 50. Вот я и решила заняться практически сетевым маркетингом, но следовать советам нашего отечественного экономиста Сергея Николаевича Попова, изложенным в книге «Думай и богатей по-русски». Есть ещё на эту тему серия книг Наполеона Хилла «Думай и богатей» — учебник жизни европейцев и американцев. Но их методы плохо ложатся на наш российский менталитет. Поэтому я с интересом прочитала рекомендации соотечественника. В ней есть один аспект, который стал присутствовать в деловой литературе, совсем для нас непривычный: он связан с понятием «судьба». Как пишет С.Н. Попов, «человек, стремящийся разбогатеть, может, образно говоря, рыть рогом землю, пожертвовать ради денег всё (по американскому образцу), но никогда не выбиться из бедности. Потому что в обоих случаях для успеха нужно лишь уметь оказаться в нужном месте в нужное время. Иными словами, судьба должна повернуться к тебе лицом».

При этом мы с увлечением обсуждаем и такую проблему, как человек — творец своей судьбы.

Сегодня сущность человека видят в том, что он отличает ценностное от целесообразного, полезного, приятного. Ценность — это то, что чувства людей диктует признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением. Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта. Наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразия оценок: то, что для одного имеет большую ценность, для другого — малую или вообще никакой.

Ценность, значимость как важнейшие признаки лежат в основе определения смысла (жизненного в том числе) в работах многих современных философов, — зарубежных и отечественных. Например, С.А. Васильев считает, что прекрасной аналогией для смысла является ценность. Для иллюстрации он приводит такой пример. Деньги имеют ценность, не зависящую ни от веса, ни от размера купюры. Как только их отказываются принимать и обменивать на товары, они теряют свою ценность, не утратив при этом ни одного из своих материальных свойств.

Следовательно, смысл — это актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. Отсюда следует, что смыслы функциональны: предмет, поступок, действие, высказывание обретают смысл в рамках целого — жизненной ситуации и шире — жизнедеятельности человека, если это оказывается значимым для его самосохранения, развития.

В жизни каждого человека немало критических моментов, а сейчас целая христианская цивилизация находится, как назвали бы её экзистенциалисты, в состоянии «пограничной ситуации». Обращение к философии помогает справиться с такими состояниями, потому что мы видим, как с древнейших времён и до сегодняшнего дня остаются проблемы **самого человека, его отношения с природой, бытием**. Возможно, общая угроза объединит людей в определении их общей главной ценности — сохранении человеческого сообщества. И я стремлюсь на своих уроках сформировать у ребят эти ценностные ориентации. Кто-то из мудрых сказал: «Ничему научить нельзя, но научиться можно всему». Я часто повторяю это своим ученикам, но дополняю ещё высказыванием Конфуция: «Если только учиться и не стремиться к размышлениям, то от этого мало будет проку. А если только размышлять и не учиться, то это приведёт к возникновению сомнений и непостоянства».

С чего начинать? — спрашивают меня подростки. Путей и источников для этого множество. Например, можно следовать рекомендации из древнекитайской философии даосизма: «Преодоление трудного начинается с лёгкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из лёгкого, а великое из малого».

Возможно, эволюция подвела человечество в третьем тысячелетии к осуществлению самого трудного занятия, известного философам и древнего Востока и древнего Запада. Формулировку его приписывают одному из семи древнегреческих мудрецов — Фалесу (VI век до Р.Х.): «**Познай самого себя и ты узнаешь Вселенную и богов**».

А может быть, познать себя необходимо и по другой причине? По причине *memento*

поги, как говорили древние греки («помни о смерти»). Об этом пронзительно напоминает «Сказка про ангела» из сборника «Сердцем по-белому» Даны Хай.

«Жил-был ангел... Ангел жил, не как то принято (с человеческой точки зрения, заметь), в райских куцах, не в сияющих белизной облаков небесах, не в душе святого или особо праведного и не на холсте художника. Ангел жил на земле. Среди людей.

Жизнь среди людей всегда накладывает отпечаток. Будь ты хоть десять раз ангел. И, живя так, ангел сомневался в своей ангельской сущности... Ангел страдал и не мог понять: кто же он? Как жить ему? Делами человеческими или сферами ангельскими? Ангел ошибался, ангел грешил, ангел впадал в депрессии, подолгу пребывал в них и абсолютной апатии. Знаешь, детка, очень трудно быть ангелом среди людей, но как быть человеком, когда ты — ангел?..

Что может ангел, живущий среди людей? Лишь, схватившись за голову, стонать беззвучно и полными слёз глазами взирать на все беды и ужасы этого мира.

Так и жил ангел. Оставаясь тем, кем был на самом деле в сердце, в душе, в помыслах и чувствах, в словах и воззрениях, но — будучи лишь смертным среди прочих подобных в делах своих.

И ангел умер. Потому что жизнь среди людей накладывает и такой отпечаток. И, даже если ты ангел, ты всё равно умираешь в этом брэнном мире.

И ангела судили. Как судят всякого — по делам его. Не по боли в сердце, не по слезам пролитым, ни по словам произнесённым, нет — по делам. И судили ангела по делам его не как смертного, а как ангела. Бесстрастно и беспристрастно. Беспощадно судили, детка. На то ты и ангел. И дано тебе тысячекратно. Но и спросится так же.

И ангел был осуждён... Был приговорён он к высшей мере — к кругу последнему, тому, куда Данте с Вергилием и носа не сунули. Нет описания тем мукам несказанным, что претерпевают туда попавшие, не найдено в анналах подробностей. И известно одно: дорога туда тем, кто предал истину. Отрекившись от сути. Отвернувшись от Предназначения своего.

Запомни, детка, запомни покрепче — нет греха страшнее... А может, и нет иного греха».

...Входя со своими учениками в III тысячелетие, изучая с ними экономику (да только ли её — и литературу, и историю), я хочу одного: чтобы мои ученики с помощью знания стали людьми нравственными, **чтобы серьёзнейшую проблему планетарного масштаба — вырождение нравственности — они смогли бы решить в своей стране**, трудом своим выстраивая в ней достойную человека жизнь. К этой цели я стремлюсь на своих уроках экономики.